

Плыли два крокодила...

25 ЛЕТ НАЗАД
В МОСКВЕ
УМЕР
ВЛАДИМИР
ВЫСОЦКИЙ

дили: «Здесь все, кроме одного антисоветского рассказа, который мы стерли». Я очень горевала, потому что действительно там Высоцкий читал один свой рассказ про двух крокодилов, один из которых стал секретарем обкома, а этот рассказ очень любила. Я пришла домой стала слушать записи и вдруг выяснила, что «крокодилы» уцелели. Какой-то произошел технический сбой, и они не смогли стереть запись. Благодаря этой истории, я поняла, что с этой Лавкой (КГБ) можно торговаться. Но только в том случае, если говоришь с позиции силы. В дальнейшем мне этот опыт очень пригодился. Так что спасибо Высоцкому.

Без слов

Я очень хорошо помню первое появление Высоцкого у нас дома после ареста Синявского. Это произошло, наверное, недели через три, когда уже поползли слухи по городу. Высоцкий пришел без всякого предупреждения среди бела дня. Разговаривать в нашем доме было опасно, я никаких разговоров в комнате не допускала. Высоцкий вошел в комнату, снял со стены гитару и за-

ШТРИХИ

Мария РОЗАНОВА

Сегодня мы публикуем воспоминания о Высоцком Марии Розановой, вдовы писателя и литературоведа Андрея Синявского (Абрама Терца). Синявский и Высоцкий познакомились в конце 50-х годов, когда Андрей Донатович преподавал литературу в школе-студии МХАТ. Высоцкий был одним из его студентов. Именно в доме М. В. Розановой и А. Д. Синявского была сделана одна из первых магнитофонных записей песен Высоцкого в его собственном исполнении. В 1965 году Андрей Синявский был арестован, а позднее вместе с Юлием Даниэлем осужден за антисоветскую агитацию. Пленки с записями Высоцкого были изъяты во время обыска. О том, как они вернулись к хозяевам, а также о нескольких встречах с Высоцким, М. В. Розанова рассказала в московском музее поэта и актера.

Предмет торга

Восьмого сентября 1965 года в нашей квартире в Хлебном переулке начался обыск, который длился три дня. У нас было две комнаты — одна в коммунальной квартире, а другая внизу, в подвале, где был устроен кабинет Синявского и хранилась часть библиотеки. Так вот, обыскивающие все бумаги, которые собирались изъять, складывали в мешки, оттащивали в подвал и опечатывали. Набралось четыре или пять таких мешков. И последнее, что они увидели — магнитофон и пленки рядом с ним, несколько катушек, на которых были записаны песни и стихи Высоцкого. Записи были сделаны у нас дома. Они их все сгребли и стали упаковывать. Здесь я впервые за все время обыска подняла легкий хай. До этого я не возражала: берут и берут, старалась только запомнить, что именно. А тут сказала: «А вот это брать вы не имеете право!». Они спросили почему. Я говорю: «Потому что у вас обыск по делу Синявского, а Синявский к магнитофону отноше-

ния не имеет, он его даже включить не может. Он технический идиот, можете спросить у кого угодно. Так что магнитофон, пленки — это все мое». И последнее, что я им сказала: «Простите, а где опись изъятых?». Они стали меня успокаивать: «Не волнуйтесь, у нас ничего не пропадает, мы сделаем опись, за нами не заржавеет» и т.д. Прошло не-

Высоцкий вошел и запел: «Говорят, арестован лучший парень за три слова...»

сколько дней, и меня вызывают на допрос в следственную часть КГБ. Я спрашиваю, где опись изъятых. Мне опять говорят — скоро будет. И наконец, объявляют: «Вот, Марья Васильевна, вы волновались, а мы свое слово держим, вот вам опись!» Начиная читать и думаю, как бы мне получить обратно пленки Высоцкого. Читаю раз, потом другой, и говорю: «Опись не полная». — «То есть как не полная?» — «Очень просто, не полная. Где трехтомник Пастернака американского издания? Я сейчас напишу заявление о том, что опись не полная, а трехтомник пропал». На самом деле трехтомник никуда не пропал. Он был мною лично выдан для работы коллеге Синявского по Институту мировой литературы и нашему ближайшему другу Андрею Меньшутину. Потом, когда Синявского арестовали, трехтомник Меньшутин перепрятал у другой своей коллеги — Светланы Сталиной. У нее он и лежал в Доме на набережной. Но следовательно я написала, что книги пропали, он страшно забеспокоился, начал кому-то звонить, вызвал оперативников. Те стали меня уговаривать заявление забрать. Говорили, что их ребята честнейшие люди и т.д. Я сказала: «Хорошо, я заявление заберу, но только после того, как вы мне вернете пленки с записями Высоцкого». На том и порешили. Таким образом, я эти записи, первые записи Высоцкого, спасла. Мало того, когда мне их возвращали, оперативники предупре-

пел песню про Мишку Ларина: «Говорят, арестован лучший парень за три слова...». Кстати, о гитаре. Ее нам подарил мой университетский друг искусствовед Игорь Голомшток. Предполагалось, что играть на ней буду я. Дело в том, что пока Синявский за мной ухаживал, я его обольщала одной старой песенкой, которую еще моя бабушка пела под гитару. И вот Голомшток подарил инструмент и говорит: «Теперь будешь играть». Но совсем скоро у нас стал бывать Высоцкий, который эту гитару быстро освоил. И пел он на моих пленках именно под эту гитару. Она так и стала у нас называться «гитара Высоцкого». Уезжая, я ее подарила своей приятельнице как раз под этим именем.

Свой человек в Париже

Во Франции мы виделись очень редко. Однажды он совершенно неожиданно появился на вручении Синявскому какой-то очередной литературной премии в Сорбонне. Мы, конечно же, были очень рады. И последняя наша встреча мне запомнилась. Мы купили дом в Фантоне-о-Роз, но еще не успели туда переехать. Вдруг звонит Высоцкий, говорит, что хочет повидаться. И я пригласила его меня сопровождать в этот еще почти пустой дом, что-то мне там было нужно. От старых хозяев оставалась какая-то мебель полуразрушенная, вертящаяся табуретка, помню, стояла. Телефон стоял на полу. Вот по этому дому Высоцкий прошелся. Ему понравилось, и мне это дорого. ■